

A woman with long brown hair, wearing a red and brown fur-lined tunic and a blue necklace, is riding a large, shaggy mammoth. The mammoth has long, dark brown fur and large, curved tusks. They are in a snowy, mountainous landscape with evergreen trees. The text is overlaid in the center of the image.

**Тайлепская
принцесса
(исторический
роман о Сибири)**

Александр Энгель

Александр Энгель

Тайлепская принцесса

(исторический роман о Сибири)

<https://litres.ru/71692087>

SelfPub; 2026

Аннотация

Основой для написания данной книги послужили исторические события прошлого, происходившие в Западной Сибири в период её раннего освоения первыми русскими поселенцами задолго до восцарения на российском престоле царя, великого князя всея Руси и первого императора всероссийского Петра Алексеевича Романова (Пётр I). Изложенная в книге версия событий того времени является сугубо авторской точкой зрения, сформированной в результате анализа, сравнения, сопоставления основной общепринятой в научных кругах истории России с некоторыми отдельными фрагментами, фактами и мнениями современных российских авторов, посвящённым, так называемой, неофициальной альтернативной истории, которая в настоящее время в массовой культуре пользуется очень большим спросом и небывалой доселе популярностью, хотя пускай и не является достоверной в полном смысле этого слова - и всё же обе эти концепции в

своей совокупности не должны обделяться вниманием, так как являются ключами для выявления истинной картины прошлого.

Александр Энгель

Тайлепская принцесса

(исторический роман о Сибири)

Тайлепская принцесса (исторический роман).

Предисловие.

Основой для написания данной книги послужили исторические события прошлого, происходившие в Западной Сибири в период её раннего освоения первыми русскими поселенцами задолго до восцарения на российском престоле царя, великого князя всея Руси и первого императора всероссийского Петра Алексеевича Романова (Пётр I). Изложенная в книге версия событий того времени является сугубо авторской точкой зрения, сформированной в результате анализа, сравнения, сопоставления основной общепринятой в научных кругах истории России с некоторыми отдельными фрагментами, фактами и мнениями современных российских авторов, посвящённым, так называемой, неофициальной альтернативной истории, которая в настоящее время в массовой культуре пользуется очень большим спросом и небывалой доселе популярностью, хотя пускай и не является досто-

верной в полном смысле этого слова – и всё же обе эти концепции в своей совокупности не должны обделяться вниманием, так как являются ключами для выявления истинной картины прошлого.

Глава 1. Таинственный гость.

В заполненную кромешной темнотой землянку, отворив с силой плотно закрытую, слегка покосившуюся от времени, входную дверь, вошёл старый небольшого роста человек. На его жёлтых худощавых плечах поверх кунека болтался поношенный, сделанный мехом вовнутрь из вразной соборных, но аккуратно сшитых между собой собольих шкур, зимний, крытый материей, охотничий тулуп. Скрипящую на ржавых кованых шарнирах дверь он закрыл за собой с таким же усилием, с каким и открывал, после чего взял в руки стоящий подле входа в дом большой продолговатый деревянный брус и с грохотом положил его поперёк на крепко вколоченные по обеим сторонам дверного проёма стальные скобы. Не снимая с себя одежды, он быстро прошёл от порога в центр жилища и одновременно единственную комнату землянки, где осторожно нащупал озябшими пальцами, а затем открыл и отставил в сторону заслонку небольшой закоптелой глиняной печи, которая, судя по всему, остыла совсем недавно. Старик набрал в грудь как можно больше воздуха и стал тщательно раздувать в ней оставшиеся с ещё по-

лудня и, не успевшие до конца погаснуть от холода, тихонько дотлевавшие в, словно живом, сердце печи, древесные угли. Немного погодя, потихоньку да помаленьку, угли начали снова разгораться и давать, пусть и не такое, как прежде, но всё же прежнее, казалось, навсегда утерянное несколькими секундами ранее тепло своему родному хозяину, который тотчас, не медля, взял в руки охапку берёзовых поленьев из лежащей неподалёку у бревенчатой стены вязанки дров и, не раздумывая, кинул их в горячие объятия ожившего сердца печной топки. Вскоре за вновь затворённой заслонкой послышался гулкий треск сухой горящей древесины, а сырое холодное помещение стало постепенно неспешно прогреваться. Спустя некоторое время хозяин вновь открыл заслонку и подкинул в печь оставшуюся на полу часть дров, не тронув лишь одно небольшое полешко, из которого тут же выстругал охотничьим ножом примерно пару-тройку, небольших по размеру, тонких лучин. Одну из них он поджёг огнём из печи и, теперь уже вполне домашней походкой, медленно направился с ней куда-то в правый дальний угол землянки. Внезапно тёмную комнату озарил яркий и совершенно непривычный для неё свет, исходивший от горячей в зубцах деревянного светца той самой берёзовой лучины.

Теперь представлялось возможным всмотреться и более детально разглядеть пристанище нашего таинственного незнакомца. Землянка была сложена из наспех обтёсанных топором и плотно взваленных друг на друга пихтовых

брёвен. На их иссечённой, местами то шершавой и грубой, то приятной и гладкой на ощупь, древесной поверхности при свете дымящей лучины кое-где прослеживались небольшие продолговатые неглубокие трещины, из которых затвердевшими искрящимися каплями выступали янтарные потёки, уже застывшей с годами, пихтовой смолы. Щели и пазы в стыках между тяжёлыми бревнами были тщательно проконопачены заботливой рукою хозяина прочно утрамбованным вглубь их узких поперечных зазоров высохшим мхом, собранным летом в таёжном лесу среди длинных, извивающихся чешуйчатými болотными змеями на сырой земле, изогнутых корявых пальцев тяжёлых и могучих ступней вечнозелёных великанов-исполинов. Для подобных хозяйственных целей мох собирался стариком в тёплое время года не только под корнями, а, буквально, сплошь и рядом повсюду, куда ни погляди: во влажной траве, по берегам водоёмов, вдоль ручьёв и бурных горных рек, ровно как и на жухлой коре поваленного сильным ветром хвойного бурелома, догнивающего во влажной таёжной почве в окружении лишайника, вереска и бесконечно стелящегося по её тёмной вязкой поверхности мягкого ковра, сотканного тайгой из огромного множества слоёв опавших листьев, веток и сухих колючих иголок древних вековых деревьев. Потолок землянки был низким, примерно два с половиной аршина, однако, это никак не стесняло её низкорослого хозяина жить в ней. Окна или хоть какие-то отверстия для того, чтобы взглянуть, что

происходит снаружи, здесь и вовсе отсутствовали. По сути, они были и не нужны старику: днём он появлялся дома крайне редко, а если и пребывал в это время в землянке, то только для того, чтобы переждать проливной дождь, сильную вьюгу или долгие затяжные морозы. Последняя причина заставляла его не покидать свою землянку чаще всего остального. В такие моменты старик становился очень угрюмым и сердитым, ибо каждый день для него был жизненно важен: ведь выжить без промысла в тех местах, где находилась его охотничья заимка вдалеке от родного улуса, было, практически, невозможно. Особенно, если на дворе стояла суровая, никого не щадящая, пробирающая не только до костей, но и до самого сердца и строжня человеческой души, своим холодом, сибирская зима. Но на данный час хозяина беспокоил не мороз, стоящий над тайгой вот уже почти целую неделю, а что-то совершенно другое. Что же это могло быть? – одному только Богу известно. По растерянному и суетливому виду старика можно было сказать лишь то, что он кого-то очень трепетно ожидает, словно бы к нему в землянку сейчас вот-вот должна нагрянуть целая свита из приближённых к российскому государю, который ныне в своём влиянии, практически, беспрекословно хозяйствует в здешних краях, а если что-то и может вдруг внезапно воспротивиться ему и его воле, то только джунгары – кочевники, пришедшие сюда когда-то из степей и пустынных равнин с востока со стороны Южных гор, которые пока ещё по-прежнему считают эти

земли законно своими. Рядом с печью старик снял и повесил на один из торчащих в стене больших тёмных полуржавых гвоздей заячий порык, стянул с уставших ног кожаные сапоги с лоснящимся при свете огня, подшитым поверх обеих голенищ, лосиным камусом, развязал тугой пояс, сшитый в виде упругой верёвки из цветущего в летний период кендыря, и только после этого смог снять с себя свой тяжёлый поношенный соболий тулуп. Старик поставил сушиться и согреваться сапоги поближе к растопленной печи, а сам сел за расположенный рядом с деревянным светцом широкий дощатый стол, поверхность которого была испещрена и исцарапана множеством больших и мелких ножевых отметин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.